

Опубликована в: Язык, сознание, коммуникация. Сб. научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 346-363.

Место связанного значения слова в типологии лексических значений и его роль в языке и речи

Одиночество фразеологизма достигает предела.

М.В. Панов. Позиционная морфология.

Location-related meaning of the word in the typology of lexical meanings and its role in language and speech

Л.О. Чернейко

L.O. Cherneyko

Аннотация. Статья посвящена проблеме связанного значения, которое по своей «объяснительной» значимости занимает центральное место в типологии лексических значений слова, поскольку именно этот тип значения в статусе «вторичных предикатов» обслуживает сферу семиотизированных сущностей невидимого мира. Особое место уделяется истории вопроса: концепциям В.В. Виноградова, В.Н. Телия, В.Г. Гака. Рассматриваются такие проблемы, как соотношение свободного и несвободного типов значения, несвобода косвенно-производного (собственно переносного) значения, конструирование фразеологической парадигмы абстрактного имени (АИ), значимое для реконструкции языковой картины мира. Описательным предикатам (ОП) как альтернативному способу грамматического оформления информации в предложении противопоставляются связанные словосочетания, характеризующиеся безальтернативностью

(обязательностью) грамматического оформления мыслимых параметров (модусов существования) абстрактной сущности в их проекции на предметы опыта. Важной науковедческой задачей является исследование механизмов сочетаемости термина с глаголами и прилагательными общеизвестного языка, многие из которых выполняют роль «вторичных предикатов».

Ключевые слова: свободное значение; связанное значение; лексические функции-параметры; фразеологическая парадигма непредметного имени; описательные предикаты; коннотация; проективные смыслы.

Abstract. Статья посвящена проблеме связанного значения, которое занимает особое место в типологии лексических значений слова, поскольку именно этот тип значения в статусе «вторичных предикатов» обслуживает сферу семиотизированных сущностей невидимого мира. Особое место уделяется истории вопроса: концепциям В.В. Виноградова, В.Н. Телия, В.Г. Гака. Цель исследования состоит в продолжении разработки проблемы связанного значения на материале текстов разных жанров и в выявлении проективных смыслов абстрактных сущностей по несвободной сочетаемости их имен методом извлечения имплицитных образов, который открывает перспективу изучения формирующей научную речь сочетаемости специальных терминов с общеизвестными глаголами и прилагательными, что дает возможность моделирования научного мировоззрения.

Key words: свободное значение; связанное значение; лексические функции-параметры; фразеологическая парадигма непредметного имени; описательные предикаты; коннотация; проективные смыслы.

1. Современное отечественное научное сообщество развивается стремительно, что, однако, не приводит к такому же стремительному росту научных достижений. Много исследователей, гораздо меньше ученых, а организаторов науки совсем немного. В. Н. Телия, обладая всеми качествами ученого, имела и этот дар. В 90-е годы под ее руководством начинается беспрецедентная для отечественной лексикографии работа по составлению

русского фразеологического словаря особого типа, в котором гармонично сочетаются традиция и новаторство: фразеологические единицы русского языка, являющиеся частью его лексикона, рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте – как языковые знаки, имеющие свой ассоциативный ореол и отражающие специфику русскоязычного взгляда на мир. Проблемной группой «Лингвокультурология» создан «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Культурологический комментарий», выдержавший четыре издания и высоко оцененный в России и за рубежом как не имеющий аналогов. Но такой словарь вряд ли оказался бы возможным без теоретической разработки В.Н. Телия проблемы лексического значения слова и его типологии. Одним из бесспорных теоретических достижений ученого является созданная ею стройная концепция «связанного» лексического значения, которому посвящена ее докторская диссертация «Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке», защищенная в 1982 г.

2.1.1. В основе известной и ставшей классической классификации типов лексических значений В.В. Виноградова лежат такие параметры, как «отношение знака к действительности» (семантика), «отношение говорящего к знаку» (узко понимаемая прагматика) и «отношение знаков друг к другу» (по парадигматической и синтагматической осям, представленным в речи как селекция единиц лексикона и их комбинация). Выделяя «свободное» и «фразеологически связанное» типы значения [Виноградов 1977], В.В. Виноградов под последний тип подвел достаточно разнородные синтагмы, такие, как *безысходная грусть, печаль; впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в бедность* и др., с одной стороны, и *преклонный возраст – с другой, осознавая при этом различие в «степени тесноты, замкнутости и слитности фраз, характере образности... и степени несамостоятельности словесных компонентов»* [Там же: 181], что открыло перспективу дальнейшего изучения лексико-семантической несвободы сочетаемости.

Но и под так называемое «свободное» значение слова подводятся достаточно разнородные факты. Известно, что для реализации свободного значения слова существуют определенные синтаксические правила, по которым создаются свободные словосочетания. В свободной сочетаемости слов отражается логика мира, а это разного рода отношения между а) семиотизированными явлениями действительности, например: часть-целое (*окна дома, вагона; ручка двери, крышки*), элемент-множество (*деревья леса, парка; экспонаты музея, выставки*), причина-следствие (*слезы тоски, радости; тоска одиночества, грусть разлуки*), б) явлением и его параметром – свойством или модусом существования (*прозрачный лед, стекло; горькая трава, лекарство; шуршание листьев, бумаги; разбить чашку, вазу; сломать ветку*). Как отмечает В.Н. Телия, «комбинирование слов, обладающих номинативно автономным значением, регулируется их собственным лексико-семантическим потенциалом, что и послужило основанием для определения словесных значений этого типа как свободных» [Телия 1981: 6].

В структуре высказывания логическая связь между явлениями или явлением и его параметром выражается в семантическом согласовании обозначающих их лексических единиц: *облокотиться о край стола* (*облокотиться спиной, ступней), *притулиться на краю скамейки* (*притулиться на площади), *старуха семенит к алтарю* (*семенит, широко шагая). В предложении *Он лежал, облокотившись на руку* (Л. Толстой) нарушение семантического согласования очевидно. Если сочетание *облокотиться рукой* на что-то (*Лишь раз гусар, рукой небрежною облокотясь на бархат алый, скользнул по ней улыбкой нежною* – А. Блок) вписывается в семантическую структуру глагола как она представлена в толковых словарях ('опереться на руку' – Д.Н. Ушаков), хотя и является избыточным, то словоупотребление Л.Н. Толстого нельзя не признать ошибочным по причине наличия в глаголе живой внутренней формы.

2.1.2. Проблема определения степени свободы реализации словом своего лексического значения остается дискуссионной. Как отмечается в

«Грамматике-80», «абстрактные синтаксические образцы в той или иной степени лексически не свободны» [РГ/2 1980: 11], что дает основания для построения «шкалы семантической свободы/несвободы сочетаемости» – от ограничений исключительно со стороны предметно-логических связей фрагментов внеязыковой действительности через «очевидные тенденции к преимущественному использованию определенного лексического материала до **строгой закрытости синтаксического образца для целых семантических разрядов слов**» [Там же: 11-12]. Именно на этом основании вычленяются два типа свободных словосочетаний – «лексически не ограниченные» и «лексически ограниченные» [Там же: 80].

Из этого положения следует, что значения приведенных выше глаголов *облокотиться*, *притулиться*, *семенить*, а также *щурить*, *карабкаться* и подобных следует признать свободными, но лексически ограниченными, однако такая их квалификация представляется логически противоречивой. Глаголы с узким значением, обозначающие либо детализированное действие или состояние субъекта и по необходимости включающие признак признака (наречие) в свою семантику (*семенить*, *притулиться*), либо специфическое состояние, присущее определенному классу явлений (*щурить глаза*, *моргнуть*), представляют собой такой языковой объект, синтагматика которого не имеет однозначной лингвистической квалификации.

Но и такая одновременная квалификация лексического значения, как «свободное номинативное» и «конструктивно обусловленное», которую предлагает В.В. Виноградов (*интересы* и *интерес к*, *предмет* и *предмет чего*, *хлопотать* и *хлопотать о* [Виноградов 1977: 188]), наводит на размышления о правомерности связи идеи свободы и идеи ограничения применительно к характеристике одного и того же значения, тем более что морфологическая специфика реализации того или иного значения слова служит, как пишет В.В. Виноградов, «указанием на границы разных значений», способствуя их «дифференциации» [Там же: 187, 189].

Способствует дифференциации значений и другой грамматический ограничитель – распределение по синтаксическим позициям значений прямых (*Жили-были на болоте журавль да цапля. Сказка*) и переносных (*Проклятая цапля! он, верно, завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его превосходительства. Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего; «Бриан – это голова!» – сказали они вздыхая. И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок*). Однако переносное значение признается по семантико-синтаксической функции предикативно-характеризующим, по степени свободы реализации – несвободным, по характеру налагаемых ограничений – синтаксически ограниченным. Значения «конструктивно обусловленные» В.В. Виноградов считает «гораздо более сложной, далеко выходящей за пределы простой соотносительности с тремя типами лексических значений слова – значений свободных, фразеологически связанных и функционально-синтаксически ограниченных» [Там же: 186] по той причине, что в языках синтетического строя семантика и грамматика прочно слиты и в рамках слова-лексемы, и в отдельной словоформе, являющейся единственной очевидной реальностью речи.

Исследуя лексические средства выражения высокой степени проявления признака («степенные» модификаторы – адвербиальные или адъективные определители), Г.И. Кустова отмечает, что «лишь очень небольшое количество «основных» степенных слов (*очень, ужасно, страшно, сильно, крайне*) имеет относительно свободную сочетаемость (*ужасно добрый, страшно устал*), хотя и такие общераспространенные и частотные показатели значения высокой степени имеют определенные сочетаемостные ограничения (*большие, колоссальные трудности* – **сильные трудности*) [Кустова 2008: 230], лежащие в сфере идиоматики. Следует отметить, что сочетание *ужасно добрый* вряд ли относится к нормативному.

2.2. Связанность словосочетаний «Грамматика-80» усматривает в таких комбинациях, которые включают в себя либо «нерасчленимые простые или сложные словосочетания» (*собака по кличке Фрам, дядя со стороны отца*),

либо обязательное «согласуемое определяющее слово» (*победа любой ценой, девочка с голубыми глазами, человек с трудной судьбой*) [РГ/2 1980: 82]. В.Н. Телия термину «связанность» придала строгий лингвистический смысл, позволяющий очертить зону его референции. Если В.В. Виноградов связал «широту фразовых связей слова» с «его грамматической структурой» [Виноградов 1977: 167], то В.Н. Телия сосредоточила свое внимание на семиотическом статусе слов, группирующихся вокруг связанного значения слова и образующих лексико-семантическую парадигму, названную В.В. Виноградовым «замкнутой фразеологической серией» (181). Особый статус этих имен определяется принадлежностью стоящих за ними «непредметных сущностей» «ненаблюдаемым мирам» (словоупотребления В.Н. Телия), а для человека самый ближний круг этого мира – его психический мир.

В предложенном В.Н. Телия подробном обзоре и теоретическом обобщении основных направлений исследования фразеологического состава языка останавливает внимание констатация ею двух фактов: это а) «употребление семантически зависимых слов с определенными их хозяевами “предписывается языковым обычаем”» [Телия 1981: 26], «былым словоупотреблением, вошедшим в языковой обиход в силу (его – Л.Ч.) нормативного закрепления» [Там же: 34], и б) концентрация «внимания фразеологов на готовом структурно-семантическом результате несвободной сочетаемости» [Там же], что оставляет в стороне вопрос о закономерностях выбора и комбинации компонентов несвободных сочетаний.

Исследование связанной сочетаемости слов В.Н. Телия ставит на прочный семантический фундамент, а именно на идею семантического согласования компонентов сочетания. При этом в лингвистическом фокусе может быть как семантически ключевое слово (*гнев, терпение, надежда*) с обслуживающими его предикатами – глаголами и прилагательными с несвободным, неавтономным, т.е. со связанным значением (соответственно: *вспыхнуть, лопнуть, питать*), что дает возможность построения

фразеологической парадигмы* абстрактного имени (*гнев – вспыхнул, разгорелся; душит, ослепляет; бушует, захлестывает, буря гнева* [Там же: 17]), так и слово со связанным значением, очерчивающим круг слов (имен существительных), в сочетании с которыми («замкнутая фразеологическая серия», по В.В. Виноградову) это значение реализуется: *завязать – отношения, дружбу; разговор, дискуссию; бой, перестрелку* [Там же: 35].

Во всех словах «замкнутой фразеологической серии» при связанном значении глагола *завязать* В.Н. Телия усматривает единое семантическое основание – ‘перфективно охарактеризованный зачин того, что обозначено именами, семантика которых отражает взаимоотношение или взаимодействие «равноучаствующих» в них, симметричных по своей значимости сторон’, отмечая при этом, что и ключевые слова между собою «обнаруживают смысловую близость, имеющую семантическое основание», и «семантика глагола тонко реагирует на семантику партнеров» [Там же]. Бесспорно, что тонкие семантические отношения между лексическими единицами трудно обнаруживаются и в парадигмах лексикона, куда они входят, и в синтагматических комбинациях, которые ими создаются, особенно, если речь идет о непредметных именах, за которыми стоят абстрактные сущности, принадлежащие миру умопостигаемому. Однако, как остроумно заметил Л.В. Щерба, «трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствие искомого» [Щерба 1958: 70].

Далеко не во всех синтагмах, приводимых В.Н. Телия в качестве примера «отношений равнозначности» [Телия 1981: 18], полной семантико-прагматической эквивалентности, эта равнозначность реально присутствует. Представляется, что в таких синтагмах, как *заводить/завязывать дружбу* или *приходить/впадать в отчаяние*, семантика глаголов *заводить* и *завязывать*, *приходить* и *впадать* очень «тонко реагирует на семантику» своих партнеров, за которыми стоят сложные социальные отношения

*«Вокруг семантически ключевых абстрактных существительных группируются целые парадигмы слов в их связанном значении» [Телия 1981: 4]. Терминологическое сочетание «фразеологическая парадигма» принадлежит В.Г. Гаку [Гак 1968: 495].

(*дружба*) или сложное психическое состояние (*отчаяние*). При общем семантическом основании синонимов *заводить-завязывать* ('начинать', в терминах лексических параметров Caus1Oper1='каузировать начало') и *приходить-впадать* ('начинаться', в терминах лексических параметров InserOper1='начинаться быть') второй член обеих оппозиций вводит такой тонкий смысл, как 'степень интенсивности проявления модусов' (отношения и состояния).

Принципы структурной семантики, воплотившиеся в модели «Смысл-Текст», определили алгоритм решения проблемы несвободной сочетаемости непредметных имен: глубинные смыслы, представленные в рамках лексических функций (ЛФ) списком ЛФ-замен и ЛФ-параметров, стали базой описания семантических отношений между лексическими единицами языка как в плане парадигматики, так и в плане синтагматики. При произвольно выбранных субстантивах определенный глубинный смысл-параметр воплощается в разрешенных нормами словосочетаниях, а сама глагольная сочетаемость непредметных субстантивов квалифицируется как поверхностная (лексическая, узуальная).

Лингвистическая ценность предлагаемого В.Н. Телия семантического обоснования связанной сочетаемости компонентов синтагмы состоит не столько в том, что в ее концепции устраняется противопоставление сочетаемости лексической и семантической (ср.: «все семантические и сочетаемостные соотношения данного слова с другими словами» [Мельчук, Жолковский 1984: 70]), характерное для интерпретационной модели «Смысл-Текст», сколько в открывающейся перспективе моделирования языковой специфики видения мира той или иной культурой (его концептуализации), для которого такая универсалия, как «глубинный смысл», мало пригодна, поскольку именно образные представления означенных фрагментов действительности, опирающиеся на «обиходно-эмпирический, культурный или исторический опыт некоторого языкового коллектива» [Телия 1981: 13],

направляют связанную сочетаемость значимых для культуры непредметных абстрактных имен (АИ).

3.1.1. Как пишет В.Н. Телия, «связанное значение основано на имплицативно-выводном знании, извлекаемом из структуры фрейма опорного наименования» [Телия 1995: 33]. Из приводимого ею примера следует, что связанное значение ('суть') конкретного имени *зерно* в сочетании *зерно истины* основано на знании, извлекаемом из имени *истина*. Но с этим именем в нашем обыденном сознании связано не знание (как со словом *зерно*), а умопостигаемая идея (пучок представлений, мифологема), проецируемая на семя, зародыш растения, с которым, в свою очередь, связаны коннотации 'начало' и 'сущность'. В связанной номинации конкретное имя, актуализирующее свое переносное значение (а оно не может квалифицироваться как свободное, поскольку означаящим конкретного знака в его переносном, косвенно-производном значении является синтагма), одухотворяется, а абстрактное имя, не меняя значения, опредмечивается.

Трудно поэтому согласиться с утверждением В.Н. Телия, что у связанного значения слова *зерно* в этом сочетании «свободный по значению партнер» [Там же: 28]. Имя *истина*, будучи ключевым словом синтагмы, семантически (денотативно) свободно, а прагматически (коннотативно) зависимо. Ассоциативный ореол любого значимого для культуры абстрактного субстантива возникает из вещных коннотаций абстрактной сущности, материализующихся в прагматически связанной сочетаемости ее имени с именем (или глаголом) того предмета (или его модуса, обозначенного глаголом), на который она проецируется. Если коннотативные признаки способны «регламентировать сочетаемость слов» [Телия 1981: 247], то разные вещные коннотации абстрактной сущности задают синтагматический вектор имени этой сущности с прагматически мотивированными ограничениями.

3.1.2. Сочетания типа *вести борьбу, дружбу* В.Г. Гак определил как «фиксированные», а сочетаемость компонентов в них – как «прихотливую»,

но характеризующуюся взаимозависимостью [Гак 1977: 207]. Можно сказать, что «синтагмой» (термин В.Г. Гака), т.е. мотивирующим, связующим компонентом фиксированных сочетаний является прагматическая взаимозависимость его компонентов, обусловленная интеракцией ассоциаций. Смысл целого словосочетания не складывается, если слушающий не нашел основания связи слов, не обнаружив основания связи явлений, т.е. синтагмемы, внутренней формы словосочетания. Чтобы в потрескавшейся штукатурке увидеть иероглиф, нужно уже иметь в памяти его «опытный» образец.

Разрабатывая сочетаемость непредметных имен с применением такого инструмента, как «фразеологическая парадигма» абстрактного имени и уподобляя ее парадигме словообразовательной, В.Г. Гак в синтагме *завязать дружбу* приписывает «глаголу-сателлиту» опорного имени роль аффикса, аналогичную функции словообразовательного компонента деривата [Гак 1968: 495]. Но, продолжая словообразовательную аналогию В.Г. Гака, можно сказать, что если глагол – аффикс, а имя – корень, то во фразеологической парадигме АИ (аналоге словообразовательного гнезда производных слов) это корень связанный, а не свободный, а сама фразеологическая парадигма представляет собой совокупность отсубстантивных глагольных дериватов.

Фразеологические парадигмы некоторых абстрактных имен можно извлечь из материалов «Толково-комбинаторного словаря», где в основном (что семиотически закономерно) отражена их несвободная сочетаемость, реализующая, как уже было сказано выше, определенные глубинные смыслы, обобщенные и представленные «на языке лексических функций» (параметров), например: *авторитет*, мыслимый как агенс, – *возрастает, повышается, растет, снижается; рушится, укрепляется; пошатнулся, покачнулся; лопается*; мыслимый как пациенс – *повышать, поднимать, ронять; ослаблять, подрывать, поколебать, подтачивать, укреплять; терять, утрачивать; завоевывать* [Мельчук, Жолковский 1984: 110-111]).

С сочетаемостью имени *авторитет* во многом пересекается сочетаемость имени *власть*. И хотя обе сущности мыслятся как отчуждаемые принадлежности (*потерять, утратить*), мифологическое различие между ними обусловлено различием в их логическом статусе: *власть* – это социальная функция субъекта (субъектов), тогда как *авторитет* – его социально значимое личностное свойство (параметр), эпифеноменом которого является ненасильственное подчинение других носителю этого свойства. Именно поэтому *авторитет* не может быть *дан* или *передан*, к нему нельзя *привести*, им нельзя *облечь, наделить* и т.д. В конечном счете, *авторитет* связан с идеей «быть», тогда как *власть* – с идеей «иметь».

На модели «Смысл-Текст» основан и метод описания несвободной сочетаемости непредметных имен через систему исчисляемых глубинных смыслов (ЛФ-параметров) в проекте «Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен» [Бирюк и др.: <http://dict.ruslang.ru>], сфокусированный на глаголах, позиционно распределенных в синтагмах с разными опорными субстантивами: например, параметр *Иncer* ('начинаться') при имени *скандал-субъекте* воплотится в глаголе *разразиться*, при имени *ссора* – *вспыхнуть*, при имени *драка* – *завязаться*. Этот важный аспект исследования связанной сочетаемости слов с опорой на глагол должен сопровождаться составлением фразеологических парадигм, потому что именно они открывают перспективу моделирования сложившихся в культуре представлений о фрагментах непредметной, метафизической действительности (их концептуализации), из чего и складывается языковая картина мира. Например, имя *время* как субъект действия сочетается с такими глаголами физического действия, как *разрушать, стирать, ломать, проглатывать* (и многими другими), в которых воплощается глубинный параметр *Liqu*, и не только с глаголами этой группы: *Время, прежде чем убить, лечит, и надежней не найти средства* – А. Королев. Вокруг да около). Следует отметить, что чем более абстрактным значением обладает глагол, тем меньше его роль в создании

«конвенциональной образности» (подробно в [Чернейко: 2015]), тем более он «строевой».

Л.В. Щерба писал, что «формами следует... почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, то есть в которых непременная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в свободном значении» [Щерба 1958: 35]. Применяя это положение к квалификации фразеологической парадигмы абстрактного имени, мы можем констатировать, что эта парадигма объединяет мыслимые в культуре формы-проекции абстрактной сущности, материализованные в сочетаемости ее имени с несвободными значениями предикатов. При этом в несвободном (связанном) словосочетании семантически свободное АИ является прагматически зависимым. И чем лучше будут изучены фразеологические парадигмы АИ, тем точнее будет представлена языковая картина стоящих за ними фрагментов мира.

Следует еще раз подчеркнуть, что вещные коннотации абстрактной сущности и определяют сочетаемость ее имени, и выводятся из нее. Через несвободную (фиксированную) сочетаемость абстрактного имени, через фразеологическую парадигму и, в частности, через «аффиксы» абстрактного имени (слова с дескриптивным типом семантики в переносных значениях) сознание мыслит умопостигаемое (возможное) в его разных конкретных обличьях-проекциях как действительное, что и обуславливает прагматически мотивированные ментальные действия над умопостигаемым. И если мир видимый подвергается категоризации, членению на классы, в результате чего создается денотативная лексика, то значимые для социума абстрактные сущности, заполняющие пространство невидимое (чувствуемое и мыслимое), концептуализируются – о них складываются представления, направляющие комбинаторику (сочетаемость) их имен. Абстрактное имя мифологично, как мифологично все, что не имеет опоры в эмпирической действительности.

3.2. Главная семантическая особенность непредметных имен обусловлена отсутствием у них «наглядности», т.е. того перцептивного образа, который связывается с именами визуально воспринимаемых фрагментов физического мира – с именами предметными («денотативами» в концепции Д.Н. Шмелева). В.Н. Телия справедливо полагает, что «сама возможность сочетаемости слов с отвлеченным типом семантики со словами, прямые значения которых обладают предметно ориентированным значением, обусловлена способностью абстрактных существительных актуализировать коннотации, возбуждаемые в их значении на основе... “опредмеченности”» [Телия 1981: 4]. Но возникает закономерный вопрос о природе коннотаций абстрактных существительных и, шире, о механизмах возникновения коллокаций, ответ на который искала не только В.Н. Телия, но одновременно с нею искали и ищут теперь другие исследователи семантики и синтагматики абстрактного имени. Так, определяя коллокации как «несвободные сочетания, не относящиеся к идиомам», и усматривая их специфику в «неслучайном сочетании двух и более лексических единиц, характерном как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов», Е.В. Ягунова формулирует свой вопрос: «Если коллокации не заданы списком, не заданы правилами, то что такое коллокация?» [Ягунова 2010].

Абстрактные имена играют основополагающую роль в духовной жизни социума. Они являются той мерой, которую разум прикладывает к миру. Так писал И. Кант. А еще он писал, что «представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта — значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его» [Кант 1965: 202-203]. Ему вторит Ш. Балли: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других» [Балли 2001: 221]. Из этой позиции следует, что думать и рассуждать об абстрактных предметах возможно только с привлечением «вторичных предикатов» – глаголов и прилагательных, не утративших своих буквальных «физических» значений, стандартные актанты

которых являются источником наглядности (вторичного опредмечивания) для абстрактной сущности.

У всего нашего опыта языковое измерение: у физического категоризация (с разной глубиной таксономии одного семантического пространства в разных языках), у метафизического – концептуализация (с разными проективными смыслами одной абстрактной сущности). Прототипом «вещного» портрета абстрактного имени является сложившаяся в социуме конвенциональная образность стоящей за ним абстрактной сущности, отображающая различия (модификации) в ее понимании и оценке.

«Вещный» портрет абстрактных существительных неоднороден и противоречив, как неоднородна в своих проекциях и противоречива в оценках социума стоящая за ними сущность: стандартные глагольные синтагмы *уважать свободу, дать свободу, вернуть свободу, нарушить свободу, лишить свободы, ограничить свободу* соседствуют в пространстве современного русского языка с такими нестандартными глагольными и именными синтагмами, как *купить свободу, расхлебывать свободу, свалка свободы, тиски свободы*. Важно отметить, что эти синтагмы находятся в отношениях дополнительного распределения, но не привычного позиционного, как, например, распределяются по разным типам контекстов разные значения одного слова (прямые и переносные). Они распределены мировоззренчески позиционно, т.е. не встречаются в пределах одного дискурса. И здесь есть исследовательская перспектива.

4.1. Современная теория словосочетания, разработанная в рамках коммуникативно-функциональной грамматики (М.В. Всеволодова и ее ученики), строится на таком понимании грамматики, в котором охватываются все факты, где обнаруживается действие языкового механизма [Всеволодова 2011]. В этой концепции описательным предикатам (ОП) типа *дать совет (советовать)* придается особый статус, отличающий их и от создаваемых по грамматическим моделям свободных сочетаний (*дать книгу*), и от воспроизводимых фразеологических единиц (*дать дуба*), а также

ведется активный поиск «правил образования и функционирования» описательных предикатов [Всеволодова 2011: 76]. Один из видов описательных предикатов (экспликаторы) представляет собой развертку глагола, которая квалифицируется как альтернативный способ грамматического оформления информации в предложении. Но в языке много таких словосочетаний, которые по своей формальной структуре аналогичны дескрипциям-экспликаторам. Имеются в виду сочетания глагола с синтаксически зависимым, но семантически главным абстрактным существительным, т.е. связанные сочетания.

Существенное отличие связанных сочетаний непередметного имени с глаголом (*проглотить обиду*) от описательных предикатов (*нанести обиду=обидеть*) состоит в их грамматической безальтернативности – в синтагматической необходимости имени невидимой сущности соединяться с вторичными предикатами при передаче ее мыслимых модусов существования. Если в лингвистическом описании словосочетания сфокусироваться не на глаголе, являющемся семантической функцией от имени, а на абстрактном имени, задающем топик суждения, то в его фразеологическую парадигму попадут члены достаточно хорошо изученных и расклассифицированных описательных предикатов. Некоторые из них находятся с сочетаниями-«проекциями» в отношениях пересечения (например, ОП-1 с экспликаторами *вводить в заблуждение, вселять надежду, осыпать упреками*). Неоднородные по степени своей «семантической опустошенности» экспликаторы описательных предикатов скорее ставят проблему сочетаемости субстантивов, чем решают ее.

Бесспорный факт обязательной, а не факультативной символичности абстрактных сущностей (и, соответственно, содержаний имен этих сущностей), обуславливающий их сочетаемость и объясняющий её, является достаточным аргументом для «грамматикализации» этого объекта. Что касается обязательности проективного смысла и регулярности формы, его выражающей, то следует признать, что проективные смыслы [Чернейко 2009,

2015] абстрактной сущности могут квалифицироваться как обязательные (по причине отсутствия в сущностях наглядности) и регулярные (поскольку имеют специфическую форму своего выражения – вторичные предикаты, противопоставленные своим буквальным значениям).

В дополнение к таким хорошо изученным дескрипциям, как описательные предикаты с экспликатором (*оказать помощь, сделать шаг*), можно ввести особый класс синтагм с абстрактным именем, синтаксически аналогичных как словосочетанию (*проглотить обиду*), так и предикативной конструкции (*обстоятельства складываются, события разворачиваются*), и назвать их, например, «словосочетания-проективы» (или, используя терминосочетание В.Н. Телия «реляционно-аналитический», которое она предложила для характеристики особой разновидности связанного значения, словосочетаниями «проекционно-аналитическими»), что указывает и на специфику фрагмента действительности, стоящего за семантически главным элементом словосочетания, и на способ его символизации в конкретном языке.

4.2. Концепция грамматики А.М. Пешковского и Р. Лангаккера (членимость содержания и конвенциональная образность), подробно изложенная в [Чернейко 2015], позволяет подойти с грамматических позиций к анализу и объяснению связанных словосочетаний. В.Н. Телия отмечает, что слова со связанным значением при непредметной лексике «выполняют в языке роль номинативных средств» [Телия 1981: 10]: *горький* – опыт, истина, разочарование / *сладкий* – сон, слова, грезы; *искать (найти)* – правду, истину, опору / *потерять* веру, покой, терпение. В.Н. Телия определила подобный тип связанного значения глаголов и прилагательных как «реляционно-аналитический».

Метод моделирования проекций абстрактных сущностей на элементы повседневного (эмпирического) опыта отражает такой взгляд на язык, в основе которого лежит понимание языка как хранителя когниций (знаний и представлений о мире) и речи как их транслятора. Алгоритм выявления

проективных смыслов достаточно прост: это сопоставление переносного (связанного) значения глагола при АИ, позволяющее выделить имплицитную метафору из стандартного актанта (агенса, пациенса, инструмента и т.д.) глагола в его буквальном значении (*проглотить кусок/обида*: обида=‘вкушаемое’; многие психо-соматические состояния мыслятся в гастрономическом коде, как известно, в одном из самых древних кодов христианской культуры). Из этих имплицитных метафор выводится и аксиология абстрактной сущности (например: жизнь может мыслиться как дар и как наказание, мода – как витальная потребность в статьях журнала «Домовой» или как враг в статьях журнала «7 Дней» [Чернейко, Башкатова 2008]). Можно предположить, что чем больше абстрактных субстантивов приходится на текст, тем выше его скрытая метафоричность* (resp. мифологичность), поскольку ни в повседневной, ни в художественной, ни в научной речи у абстрактных субстантивов практически нет собственных предикатов.

Таким образом, выявление проективных смыслов абстрактной сущности опирается: а) на анализ актантной структуры глагола в его буквальном значения, который сочетается с именем сущности в своем связанном переносном значении, выступая в роли «вторичного» предиката, что позволяет составить список имплицитных метафор имени; б) на обобщение проективных смыслов в «лексикоды» (термин У. Эко), осуществляемое на содержательной основе (разграничение прагматики и семантики в этом случае нерелевантно); в) на сопоставление лексикодов для обнаружения повторяемости проективных смыслов, что обуславливает возможность схематического представления символического пространства АИ в зависимости от степени его членимости. Именно повторяемость проективных смыслов в ассоциативном пространстве содержания разных

* «Сколько метафор должно быть на одной странице текста, чтобы он мог считаться “метафорическим”»? – так ставил вопрос Ц. Тодоров [Тодоров 1975: 55], а о «возможности написать грамматику размещения метафор» писал Р. Якобсон [Якобсон 1975: 219].

имен дает возможность членения этих пространств, позволяющего говорить об их форме, а о проективных смыслах – как о мере ассоциативных отношений между ними и как о лингвистическом инструменте определения этой меры.

В противоположность термину «коннотация» (и даже «вещная коннотация» [Успенский 1997]) проективный смысл является инструментальным термином активной грамматики. Он ориентирован на моделирование конвенциональной образности ассоциативного (символического, мифологического) пространства абстрактной сущности, обуславливающей синтагматику ее имени – сочетаемость с глаголами и прилагательными. Информативна и сочетаемость с пространственными предложениями. Кроме того, в этом термине снято противопоставление образов логических и чувственных.

5.1. «Общим знаменателем» дефиниций термина «наука» в словарях разного типа (толковых и энциклопедических) является такой параметр, как объективные знания о мире, которые наука вырабатывает и систематизирует, фиксируя в особых языковых знаках-терминах. Помимо номинации *научный язык* вербальные средства научной сферы обозначаются и такими аналитическими единицами, как *научный стиль*, *научный дискурс* и *язык науки*, в которых профилируются их разные аспекты. Не касаясь тонких семантических обоснований правомерности этих трех номинаций и их избыточности, можно сказать, что термин *язык науки* является наиболее объемным, охватывающим и язык-код, существующий на правах подсистемы литературного языка, и научную речь. Большое сомнение вызывают такие выделяемые в науковедении параметры языка науки, как его независимость от национальных языков, общезначимость и безличность.

5.2. Исследования терминологических тезаурусов показывают, что основной корпус терминологии любой научной области представлен именами существительными, а среди них наибольший процент составляют имена абстрактные (*множество*, *бифуркация*, *сознание*, *частотность*,

кульминация, построение, свойство, инерция, водность, экземплярность). Как писал А.М. Пешковский, «форма существительности имеет огромное значение для нашей мысли. Без нее невозможно было бы никакое знание, никакая наука» [Пешковский 1920: 58]. Что касается прилагательных, то они либо дублируют семантику существительного, являясь их дериватами (относительные прилагательные), либо входят в состав аналитических терминов (*эйдетический образ, солнечное сплетение, солнечный ветер*).

Глаголов в тезаурусах практически нет, например, в Словаре Л.С. Выготского – ни одного глагола. При этом установлено, что большая часть глаголов выступает в речи как экспликатор описательных предикатов (*устанавливать связь, соотношение, происхождение; приводить к – возникновению, гибели, нарушению, раскрепощению; производить – расчеты, вычисления, наблюдения*), в которых основная смысловая нагрузка приходится на имя существительное, а глагол выполняет грамматическую роль. Но, как было сказано выше, и среди описательных предикатов (ОП) есть такие, по которым можно восстановить скрытые проекции абстрактных сущностей (*вселять надежду, осыпать упреками*), но много и таких словосочетаний, которые не охватываются термином «ОП», но при этом являются проекционно-аналитическими сочетаниями термина, поскольку обслуживаются глаголами в их связанном значении: *укорениться в сознании (*во внимании); внимание притупилось (*сознание), рассеянное внимание (*память), сосредоточить внимание (*сознание, память), но напрячь память (*внимание, сознание)*.

Кроме того, в научной речи немало так называемой «скрытой» предикации, по которой легко восстанавливаются проекции сознания на здание и, шире, – на градостроение: *подвалы, порог* и даже *вестибюль сознания*, а также его *тупики и лабиринты*.

Н. Бор писал, что у языка науки нет «никакого другого выбора, как пользоваться повседневными понятиями, может быть, улучшенными терминологией классической физики» [Бор 1971: 281-282], поэтому язык

науки не может быть независимым от национального языка. Возникает закономерный вопрос о принципах отбора общеизвестных глаголов и прилагательных, сочетающихся со специальным знаком-термином, который воплощает научное сознание. Науковедение ответило на этот вопрос введением понятия «базисные предположения» [Тулмин 1978: 173-174], с изменением которых связывают «решающие интеллектуальные переходы в науке», приводящие к сменам научных парадигм как форм видения мира.

5.3.1. Особый лингвистический интерес представляет изучение сочетаемости терминов в научных идиолектах, где, вопреки идеальным установкам науковедения, при бесспорной научной общезначимости трудов исследователя отсутствует безличность текста. Так, изучение сочетаемости базового для психологии термина *сознание* в идиолекте одного из ведущих отечественных психологов В.П. Зинченко обнаруживает возможность моделирования того «базового предположения» о «чтойности» и устройстве сознания, на базе которого ученый строил свою концепцию этого феномена, определяющую векторы сочетаемости его термина: *обладать сознанием, собственник сознания, ничейное сознание; сознание возникает, строит себя, формируется, развивается; поработанное, опустошенное, бодрствующее сознание; полифония сознания, тайна сознания; понимание, трактовка сознания; территория сознания, сознание находится между индивидами; слово – материя сознания* (по тексту монографии В.П. Зинченко «Сознание и творческий акт»).

5.3.2. Анализ сочетаемости базового в лингвистической концепции М.В. Панова термина «позиция» по тексту монографии «Позиционная морфология» позволяет выстроить видение той эпистемологической сущности, которая стоит за этим инструментальным термином: *по велению позиции, позиция требует, позиция распоряжается смыслами, позиционный диктат, позиционные сдвиги, нетерпимость позиции, многоэтажная позиция*. Синтагма *многоэтажная позиция* воплощает проекцию позиции на здание, поскольку типовое, закрепленное в узусе и отраженное в словарях

номинативное значение прилагательного *многоэтажный* не зачеркивается, а, напротив, актуализируется в этом атрибутивном сдвиге при имени непредметной сущности позиция, благодаря чему и происходит проецирование ее мыслимого параметра на имплицитный, но эмпирически постигаемый носитель «многоэтажности», представленный в стандартной сочетаемости данного прилагательного – *многоэтажное здание (дом, гостиница)*. Таким образом, уподобление позиции многоэтажному дому в тексте «Позиционной морфологии» направляется представлением М.В. Панова о грамматической позиции как о комплексном, многоуровневом феномене, включающем определенный состав грамматических форм, порядок слов, общий грамматический смысл конструкции.

Как писал В.В. Налимов, «сама наука есть не более чем символическое описание Мира» [Налимов 1989: 255], а речь, по Гегелю, – это «чистейшая форма объективности для субъективного» [Гегель 1973: 47], наполняющего своими проективными смыслами абстракции умопостигаемого мира и заполняющего этот мир наглядностью. Все связанные значения слова при абстрактных именах воплощают символику идеального, тогда как проекции параметров материального предмета на материальный служат перевоплощению материального.

Выводы. Содержание слова логикой постижения мира не исчерпывается, поскольку логика и вырастает из символики, мифологии как дологической формы мышления и обрастает ею в процессе освоения умопостигаемого мира. Если свободная сочетаемость слова регулируется синтаксическими правилами и логикой отношения между означенными фрагментами внеязыковой действительности, то сочетаемость связанная направляется сложившейся в языковых практиках социума конвенциональной образностью абстрактной сущности. Эта образность семантически обязательна, что обусловлено невозможностью вовлечения метафизического в эмпирический опыт без наглядности, и регулярна, что обусловлено противопоставлением любого предиката, взятого в его

вторичной функции (в функции «вторичного предиката» при АИ), его буквальному значению, со стандартных актантов которого и считаются проективные смыслы абстрактной сущности.

Ассоциативный ореол умопостигаемых сущностей, имена которых терминологически квалифицируются и как «ключевые слова», и как «культурные концепты», может и должен стать объектом грамматического описания. Объективные причины следующие: а) модель ассоциативного ореола абстрактной сущности (resp. содержания ее имени) представляет собой членимое пространство, в котором объединены выделенные при анализе сочетаемости ее имени проективные смыслы, входящие в зону конвенциональной образности; б) высокая степень повторяемости проективных смыслов в лексико-семантической сочетаемости разных АИ с предикатами позволяет квалифицировать их как лингвистический инструмент описания. Повторяемость проективных смыслов дает ключ к обнаружению механизма возникновения несвободной (связанной) сочетаемости слова и к объяснению роста конкретности ассоциативного ореола абстрактной сущности за счет ее образных проективных смыслов.

Схематичность символического пространства АИ по-новому высвечивает и лингвофилософскую проблему языковой формы. Поскольку проективные смыслы и их инварианты (лексикоды) напрямую связаны с правилами построения словосочетаний с абстрактным субстантивом, постольку их дальнейшее изучение внесет вклад и в грамматику словосочетания, и в философию грамматики, расширив границы ее объекта введением тех фактов, которые традиционная грамматика не считала научными, но в которых, тем не менее, обнаруживается действие языкового механизма.

Предпринимаются попытки создания словаря сочетаемости непредметных имен. Однако нужен полный словарь фразеологических парадигм хотя бы ключевых абстрактных субстантивов. Создание словаря сочетаемости АИ на базе не только художественных текстов, но и тех,

которые отражают основу нашего языкового бытия в повседневности, в еще большей степени помогло бы прояснению особенностей как нашей ментальности, так и нашей повседневности. Что касается отраслевых словарей сочетаемости терминов, то создание таких словарей имело бы теоретическую и практическую ценность как для соответствующей сферы знания, так и для лингвистики. Решение этой отраслевой проблемы не выходит за те исследовательские рамки, которые очерчиваются лингвистическими принципами анализа сочетаемости общеизвестного абстрактного имени с вторичными предикатами.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. – 392 с.

Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Калинина Е.Ю. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен. [Электронный ресурс] URL: <http://dict.ruslang.ru>. Дата последнего обращения – 10.04. 2016.

Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М.: Наука, 1971. – 676 с.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 162-189.

Всеволодова М.В. Язык: лингвистические универсалии и языковая специфика // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора В.Ю. Копрова. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. С. 74-82.

Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Дис... доктора наук. М., 1968.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

Гегель. Эстетика. Т. 4. М.: Искусство, 1973. – 676 с.

Кант И. Сочинения в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. – 743 с.

Кустова Г.И. Электронный словарь степенной сочетаемости на базе НКРЯ // Труды международной научной конференции «Корпусная лингвистика-2008». СПб, 2008. С. 229-239.

Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984. – 992 с.

Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989. 287 с.

Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 2. М.: Госиздат, 1920. – 499 с.

РГ Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова Т. 1. М.: Наука, 1980. – 784 с.

Теля В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. – 269 с.

Теля В.Н. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык–система. Язык–текст. Язык–способность. Сб. статей / Институт рус. языка РАН. М., 1995. С. 25-36.

Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. С. 37-113.

Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 170-189.

Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: ЯРК, 1997. С. 146-152.

Чернейко Л.О., Башкатова Д.А. Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки. № 2. 2008. С. 86-99.

Чернейко Л.О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: доклады XI международной конференции». Т. 1. М., 2009. С. 162-175.

Чернейко Л.О. Грамматика семантики // Памяти А.А. Поликарпова. Сборник статей. Электронный вариант. МГУ, 2015. С. 551-556.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Том 1. Л.: Изд. ЛГУ, 1958. – 182 с.

Ягунова Е. «Зачем», «что» и «как» в исследовании коллокаций. Размышления на тему Е.Ягуновой. Семинар по автоматической обработке текста. СПб, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slideshare.net/lmp/ss-3842400>
Дата последнего обращения – 01.04. 2016.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс. С. 193-230.

Словосочетанием при этом оказывается **не любая пара полнозначительных слов**, а такая синтаксическая структура, в которой главным компонентом является слово релятивной семантики, а зависимым компонентом - связанная синтаксема. Г.А. Золотова.
Очерк функционального синтаксиса.